

Павел Бажов

Про водолазов

По Зауралью, в пределах бывшего Камышловского, Шадринского и частью Ирбитского уездов, имело хождение слово "водолаз" в применении к служителям культа. Во фронтовой обстановке 1918 года мне как-то пришлось слышать историческое обоснование такого необычного употребления слова. Давалось это в форме сказки. Рассказывал старик-доброволец, сколько помню, из деревни Байновой, близ Каменского завода, в бывшем Камышловском уезде. Мне не удалось проверить, была ли эта сказка "творимой легендой" - личным художественным вымыслом, рассказчика, - или имела уже широкое распространение. Но эта сказка мне показалась очень интересной, как правдивая характеристика сущности крестьянского восстания, известного в истории Урала под именем "картофельного бунта 1842 года".

Здесь исторически неверно показан лишь пермский губернатор, который, по материалам, был менее виновен, чем министр Киселев и чиновники казенной палаты, почему-то проводившие на местах идиотское требование министра о посадке картофеля. Эта историческая неточность, однако, не меняет дела: сущность событий дается в сказке гораздо отчетливее и правдивее, чем у многих "специальных исследователей этого вопроса".

Пытаюсь передать сказку в стиле рассказчика, фамилию которого забыл.

Была это у царя гулянка как-то. Пир, стало быть, царский.

Собрались на том пиру министры да генералы, князья да графья, сенаторы да митрополиты. Самое что ни есть высшее начальство.

И случилось на тот пир пермскому губернатору как-то попасть. Он хоть по губернии самый большой начальник, а при царе пташка махонька.

Шустрый, однако, губернатор был. По царским палатам, ровно куличок по берегу, взад да вперед побегивает. Все ему подслушать охота, о чем царь с большими начальниками говорит. Нельзя ли какую выгоду себе от этого получить?

После обеда, как обыкновенно, князья да графья с девками-бабами плясать пошли, а царь со своими министрами да сенаторами в карты играть сел. Ну, и митрополиты, конечно, тут же.

За картами к слову один министр и похвалил картошку: хорошо-де ее ноне повар сготовил! Царь на это и говорит:

- Это ты, господин министр, пустяк разговариваешь. С утиным жиром всяк бы картошку ел. Ты другое соображай. Картошка - хлебу замена. Вот что! При наших недородах как бы нам картошка сгодилась, а мы все еще по-настоящему развести ее не можем. Мне вон на-днях племянница - королева немецкая - сказывала, будто там, в немецких то есть землях, над нами смехом смеются: не умеют-де картошку развести. Куда это годно? - я тебя спрашиваю.

Министр, который картошкой заведовал, завертелся туда-сюда.

- Стараемся, - говорит, - ваше царское величество, да народ у нас темный, своей пользы не видит. Попов вон какую прорву содержим, а нет того, чтобы про картошку поученье сказать. Вот бы митрополитам за это взяться, тогда дело другое.

Один митрополит только рот разинул слово сказать, да видит: царь вовсе разворчался.

- Это, - говорит, - я каждый день по сколь раз слышу. Перекоры-то ваши. Только и умеете один на другого валить. Да вот еще заладили: темной да темной. Не просвещать же мне его! Чуете, чем это пахнет? А ты мне так сделай, чтобы он темной и остался, а в голодовки хоть картошкой да брюхо набивал. Иначе может недобор солдатам случиться. Тогда что? Как вы это разумеете? Какой дельный совет дать можете?

Тут один министр - он, видать, смекалистее других был - и говорит:

- Я вот так бы рассудил. Пущай господин министр - это который по картофельному-то делу указик небольшой напишет. По всей форме, на манер манифесту, за вашим царским подписом и с

казенной гербовой печатью. В том указе надо объявить, чтобы в каждой волости не менее десятины общественной картошки было посажено. Которые мужики сверх того расстараятся, таким давать семена за казенный счет, либо по самой низкой цене. Митрополиты пушай по своим поповским полкам обращение дадут, чтобы тоже задарма хлеб не ели, а старались насчет картошки. В осенях проверить, где как поступили, и старателям дать каку-нибудь поблажку. Ну, медальку бронзову повесить, лист похвальный, либо еще что. А губернатору, у коего окажется по губернии больше всех картошки, я бы самой высокой награды не пожалел. Вот если так-то зря мужиков напужать да поманить богатыми наградами, так у вас годика через три картошки-то будет завались.

Царь даже удивился.

- Не знал, - говорит, - что ты такой умный, - рассудил все до тонкости. Очень даже превосходно. Быть по сему, - и кулаком по столу ахнул, аж подсвечники заскакали. Потом картофельному министру и наказал:

- Ты мне к утру заготовь указик, как он говорил, по полной форме. Да наперед ему покажи. Пушай проверит хорошенько, чтобы не напутать чего, а потом подай мне подмахнуть. А вы, митрополиты, состряпайте каку-нибудь шутовинку из священных слов. Да позаковыристее, чтобы мужик вздыхал, а бабы слезами уливались. Вас этому не учить. Только пошевеливайтесь. А то, я знаю, зады-то вы насидели, еле ворочаете. Завтра у меня чтоб эту свою бумажку разослать! Ко мне с ей уж не лезьте. Не разумею я в ваших славянских словах, по французскому да немецкому меня обучали.

Пермский губернатор в это время за царскими креслами стоял и весь разговор от слова до слова слышал. Как только царский пир кончился, губернатор на тройку - да скорее домой. В Пермь. Гнал, конечно, по- губернаторски, ямщиков и лошадей не жалел. Однако до Перми дорога не ближняя. Губернатор и обмозговал, как ему ловчее всех остальных губернаторов обставить и себе царскую награду за картошку получить.

Так он рассудил. Пермский, осинский да оханский при большой реке живут. Тут всяких пришлых много. Сфальшивить никак нельзя. Живо раскумекают, и конфуз может выйти. Екатеринбургский, тагильский, кунгурский - там опять заводов много. Мастеровщина, народ дошлый, отчаянный. Чуть что - могут бунт сделать. Верхотурский, соликамский и ладно бы, да земли у них мало и места холодные. А вот шадринский, камышловский да ирбитский в самый раз. Земля у них есть, живут на усторонье, грамотных, окромя попа да писаря, по всей волости не найдешь. Что угодно им напиши, все сойдет.

Вот губернатор и надумал в те уезды - в наш-то край - царску грамоту вовсе не допускать, а послать свою бумажку и в той бумажке по-другому прописать. Потом-де, как осенью картошку считать, будут, кому дело, в каком уезде она росла, лишь бы по моей губернии.

Вот ладно. Приехал домой, согнал со всего города переписчиков и велел им по всем волостям в наш край бумаги писать. Тоже будто по форме сделал: по царскому-де велению, по синодскому благословению приказываем вам картошку садить в обязательном порядке по осьминнику на каждый двор. И семена чтобы свои были. Кто не посадит, тот будет в полном ответе, вплоть до каторжного, а которые мужики постараятся больше указанного посадить, тем награда будет. Ведь что стервец выдумал!

Пришла, значит, эта бумага в волости. Вычитали ее мужикам, те только руками хлопали: "Как так? Откуда столь картошки взять на семена? Кто даст?"

Оно и то смекнуть надо. Это по нынешним временам - и то по осьминнику на двор никогда не посадить, а тут где же? Картошку только-только разводить стали. У богатых мужиков и то ее маленько было, а у бедняков разве что на поглядку. Сумление тут наших отцов и взяло. Не может того быть, чтобы царь такой манифест написал. Писаря это взятки вымогают. Ну, что делать?

Пошли к попам: вы-де грамотны, объясните. А попы на ту пору бумажку от митрополита получили к в один голос запели:

"Иван Креститель в пустыне картошкой питался, пресвята богородица картошку завсегда садила, Христос с малых лет огороды копал. Сади, православны, картошку, на земле от нее польза, на том свете награда".

Мужики им, конечно, объясняют, попам-то: "Не про то разговор - садить али не садить. Всяк бы от картошки не отказался, да где семена взять на целый осьминник? Нет ли тут подмены царского манифесту? Немысленное дело столь картошки на семена добыть".

А попы заладили свое: "Аки да паки, сади, братья, картошку: на земле польза, на небеси спасение".

Ну, старики, видят: дело фальшивое. Не иначе попы с писарями сговор сделали и бумага подложная. А был у них служивый какой-то. Он еще на француза ходил и все страны сквозь прошел. Старики к нему: солдат дело разберет. Бутылку, конечно, на стол: "Научи, сделай милость!" Солдат-от уж вовсе старенький был, однако водки хлебнул и обсказал нам дело.

- Завсегда, - говорит, - царски манифесты золотыми буквами пишутся. На манифесте царское имя ставится - Александр либо Николай, а сбоку палка. Чтобы помнили, значит, что царь. Снизу опять печать сургучна на шнурочке подвешена. Попы-де беспрременно должны каждый царский манифест знать. Потому эти манифесты по церквам хранятся, под самым престолом. А если попы не показывают, - значит, бумага фальшива. Их, попов-то, испытать надо. А испытание тоже умеючи делать. Бить али там за волосья таскать никак не годится. Потому у их сан препятствует. И надо их чистой водой испытывать. Спускать, например, в колодец, а еще лучше того прорубить на реке две проруби да на вожжах из одной в другу и продергивать. Продернуть и спросить: "Покажешь бумагу?" Ну, который не согласен, опять продернуть. Покажут тогда!

Нашим старикам эти речи справедливы показались. И то сказать: где взять картошки на целый осьминник? Немысленное дело! Вот они, старики-то наши, сговорились по деревням, сграбастали своих попов и повели их к речке испытывать. Ну, где речки маленькие, там в колодцах.

Вот с той поры у нас попов водолазами и зовут. Поучили все-таки их старики, как подо льдом нырять. Не всякий живой остался. Захлебнулись которые.

Ну, а стариков наших сам царь отблагодарил. Нагнали солдат с пушками и давай всякого хватать да пороть. Потом уж разбирать стали: смутьянов, дескать, подавайте; а где их возмешь, коли поголовно все выполнить губернаторскую выдумку не могли? Тогда и присудили каждого десятого выпороть, сквозь строй прогнать. Многие от этой прогулки в землю ушли, а губернатор, который всю эту штуку настряпал, сам теперь старался, чтоб поблажки кому не сделали. Награду за это получил, как за усмирение бунта. Вдолге уж распознали, в чем главная причина и кто ее заводчик. Ну, тогда губернатора в сохранный место взяли - в сенаторы перевели, а попы на наших же стариков сплели, будто они такие дураки были, что картошку садить за грех почитали.

Оно, конечно, по кержацким местам, может, и были такие разговоры, только это к нашим старикам не подходит. Под заводами жили, табачишко не то что покуривали, а и в ноздри набивали, чего бы им картошки испужаться! Брехня это, чтоб дурость свою прикрыть. Известно, начальство не любило в дураках ходить, вот и придумали, будто мужики по темноте своей бунтовали, а начальство старалось, как бы им лучше сделать, учило картошку садить. Запретили все-таки дразнить поркой тех, кои пострадали да живы остались.